

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ОШЛАКОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 56662/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

3 апреля 2014 г.

вступило в силу 3 июля 2014 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 Статьи 44 Конвенции. Оно может подлежать редакторской правке.

По делу «Ошлаков против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
Проведя закрытое совещание 11 марта 2014 г.,
Вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 56662/09),
поданной 23 октября 2009 г. против Российской Федерации в
соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и
основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Республики
Казахстан Оскаром Кирилловичем Ошлаковым (далее - заявитель).

2. Интересы заявителя в Суде представляли Р. Амбарцумов, и
позднее Е. Давидян — адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы
Властей Российской Федерации (далее — Власти) представлял
Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при
Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что в случае его экстрадиции
в Казахстан он может быть подвергнут жестокому обращению, что его
содержание под стражей в ожидании экстрадиции было незаконным, и
что не было проведено эффективного судебного пересмотра вопроса о
его содержании под стражей.

39 4. 28 октября 2009 года Председатель Первой Секции принял
решение о применении правила 39 Регламента Суда, указав властям,
что заявитель не должен быть экстрадирован в Казахстан до получения
соответствующего уведомления, а также принял решение о
рассмотрении дела в приоритетном порядке в соответствии с правилом
41 Регламента Суда. Председатель также запросил у Властей
фактическую информацию в соответствии с подпунктом (а) пункта 2
Правила 54 Регламента Суда.

2 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

39
Получено
5. 9 февраля 2010 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти о жалобе и отменить временную меру в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1959 года рождения, приехал из г. Алматы, Казахстан. В настоящее время он проживает в г. Москве.

A. Предыдущие события и задержание заявителя

7. В 1990-х годах заявитель был предпринимателем в г. Алматы.

8. 3 августа 2004 г. заявитель был заключен под стражу в г. Алматы в связи с обвинением в причастности к убийству Ч., совершенному в 2001 г. По словам заявителя, в заключении его избивали сотрудники милиции и затем его сокамерники. Он не жаловался на указанные избиения на государственном уровне. Заявитель не представил документов или других доказательств в данном отношении.

9. 27 сентября 2005 г. городской суд г. Алматы оправдал заявителя и еще двух человек и снял с них обвинение в убийстве. Суд отметил жалобы других человек, но не заявителя, на то, что сотрудники следствия угрожали им с целью получения признаний.

10. В ноябре 2005 года заявитель с семьей переехал в г. Москву.

11. 20 декабря 2005 г. Верховный суд Казахстана, в связи с жалобами семьи жертвы и прокуратуры, отменил приговор городского суда г. Алматы и возвратил дело для нового рассмотрения. На слушании заявителя представлял адвокат.

12. 14 февраля 2006 г. городской суд г. Алматы вынес постановление о заключении заявителя под стражу в связи с судебным разбирательством по уголовному делу против него, и объявил его в розыск. Обвинения в отношении заявителя, в частности, включали создание организованной преступной группировки в 2001 г. в г. Алматы, покупку и перевозку огнестрельного оружия, бандитизм и убийство Ч. при отягчающих обстоятельствах.

13. В 22:30 3 мая 2009 г. заявитель был задержан сотрудниками милиции районного ОВД Южное Бутово г. Москвы в связи с нахождением заявителя в розыске. В тот же день заявитель был заключен под стражу в следственный изолятор СИЗО-4 г. Москвы (далее - «следственный изолятор»).

заг

14. В неуказанный день после задержания заявителя Генеральная прокуратура Казахстана сообщила Зюзинской межрайонной прокуратуре (далее - «районная прокуратура») по факсу о своем намерении запросить экстрадицию заявителя и обратилась с просьбой обеспечить содержание заявителя под стражей до такого запроса. Генеральная прокуратура Казахстана сослалась на решение городского суда г. Алматы от 14 февраля 2006 г.

Б. Производство по делу о выдаче

15. 1 июня 2009 г. Генеральная прокуратура Казахстана отправила запрос в Генеральную прокуратуру РФ об экстрадиции заявителя в соответствии с Минской конвенцией о правовой помощи и правовым отношениям в гражданских, семейных и уголовных делах 1993 г. (далее - «Минская конвенция»). Указанный запрос содержал заверения о том, что заявитель не будет экстрадирован в третье государство без согласия российских властей, не будет подвергнут дискриминации на каких-либо основаниях и в том, что уголовное преследование в его отношении будет осуществляться только в связи с преступлениями перечисленными в запросе об экстрадиции, а именно бандитизмом и убийством с отягчающими обстоятельствами, а также что заявитель сможет свободно покинуть Казахстан после отбытия приговора, вынесенного судом. Генеральная прокуратура Казахстана также сослалась на мораторий на смертную казнь в Казахстане, и указала, что в отношении заявителя не будет применена высшая мера наказания. К запросу прилагались постановления городского суда г. Алматы от 27 сентября 2005 г. и Верховного суда Казахстана от 20 декабря 2005 г., а также решение городского суда г. Алматы от 14 февраля 2006 г.

16. 18 июня 2009 г. Генеральная прокуратура Казахстана отправила своим российским партнерам исправленную версию запроса об экстрадиции, с указанием правильной даты рождения заявителя.

17. Российские власти провели экстрадиционную проверку, которая показала, что дело о совершении заявителем убийства и бандитизма рассматривалось в городском суде г. Алматы, и что заявитель был объявлен в розыск 14 февраля 2006 г.

18. Генеральная прокуратура РФ отправила информационные запросы в министерство иностранных дел РФ и в ФСБ РФ с целью проверки утверждений заявителя в отношении риска применения к нему жестокого обращения в случае экстрадиции. МИД РФ и ФСБ РФ ответили, что не располагают сведениями о каких-либо обстоятельствах, которые бы препятствовали экстрадиции заявителя.

19. 14 июля 2009 г. Генеральная прокуратура РФ удовлетворила запрос властей Казахстана и распорядилась об экстрадиции заявителя.

4 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

Генеральная прокуратура РФ приняла решение об экстрадиции заявителя в связи с обвинениями в убийстве с отягчающими обстоятельствами и бандитизме, так как эти преступления влекут уголовную ответственность в соответствии с пунктом 2 Статьи 105, пунктом 1 Статьи 209 и пунктом 3 Статьи 222 Уголовного кодекса РФ (убийство с отягчающими обстоятельствами, бандитизм и незаконное владение огнестрельным оружием с отягчающими обстоятельствами), отметив, что сроки исковой давности по данным преступлениями не истекли ни в России, ни в Казахстане. Также было отмечено, что, в соответствии с Минской конвенцией и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - «УПК»), различия в классификации преступлений и их элементов в уголовном законодательстве России и Казахстана не являлись достаточным основанием для отказа в экстрадиции. В решении об экстрадиции также была упомянута информация, предоставленная Федеральной миграционной службой (далее - «ФМС»), и подтверждающая, что заявитель являлся гражданином Казахстана и не имел российского гражданства. Генеральная прокуратура РФ заключила, что не имелось препятствий для экстрадиции заявителя в Казахстан. Распоряжение об экстрадиции, в соответствующей части, гласит следующее:

«О.К. Ошлаков обвиняется в создании и руководстве организованной вооруженной группой...торговле оружием...и... совершении убийства в 2001 г...»

20. В тот же день Генеральная прокуратура РФ сообщила Генеральной прокуратуре Казахстана о решении об экстрадиции и обратилась с просьбой сообщать российской стороне о результате судебных разбирательств по уголовному делу в отношении заявителя. Также в тот же день заявитель был уведомлен об упомянутом решении, и ему было сообщено о возможности обжаловать его.

21. Заявитель обжаловал решение об экстрадиции в суде. Он указал, что обвинения, выдвинутые против него, являлись необоснованными, и что в случае экстрадиции он будет подвергнут преследованию со стороны полиции Казахстана, которая ранее угрожала ему с целью получения признания в убийстве. Он подчеркнул существование риска его похищения или убийства сотрудниками полиции на пути в г. Алматы. Он также боялся за безопасность своей дочери и бывшей супруги, которые являлись гражданами России. Заявитель также указал, что судебное разбирательство в его отношении не будет справедливым. Он также указал, что является православным христианином, и у него не будет возможности на свободное вероисповедание в Казахстане, где он будет повергнут дискриминации на основании этнического происхождения. Наконец, заявитель сослался на то, что он болен раком щитовидной

железы. Адвокат заявителя добавил, что по причине болезни заявитель не может перенести длительное содержание под стражей.

22. 28 августа 2009 года Московский городской суд оставил решение об экстрадиции без изменений. Он указал, что заявитель являлся гражданином Казахстана и не обладал российским паспортом, следовательно, мог быть выслан из России. Заявитель обратился за предоставлением убежища только после его задержания в России. Ссылаясь на заверения властей Казахстана, приведенные в запросе об экстрадиции, суд отклонил утверждения заявителя о преследовании на этнических основаниях. Суд также отклонил упоминание заявителем о предполагаемом жестоком обращении как необоснованное и счел, что состояние здоровья заявителя не препятствовало заключению заявителя под стражу в ожидании экстрадиции.

23. Заявитель подал жалобу в Верховный суд РФ, утверждая, что сотрудники полиции в Казахстане желали завладеть его имуществом, что в случае экстрадиции он столкнется с фактическим риском жестокого обращения, которое, согласно отчетам, было широко распространено в пенитенциарных учреждениях в Казахстане, и что он болен раком и следовательно не может содержаться под стражей.

24. 13 октября 2009 года Верховный Суд Российской Федерации оставил распоряжение об экстрадиции без изменений в последней инстанции. Верховный Суд принял во внимание дипломатические заверения, предоставленные Генеральной прокуратурой Казахстана в запросе об экстрадиции, о том, что заявитель не будет подвергнут преследованию за преступления, указанные в запросе об экстрадиции, и что он не будет подвергнут преследованию на политических основаниях и дискриминации. Верховный Суд заключил, что заявитель не представил доказательств, подтверждающих, что в случае экстрадиции в Казахстан он будет подвержен фактическому риску жестокого обращения и что полиция Казахстана стремилась завладеть его имуществом. Состояние здоровья заявителя не препятствовало содержанию заявителя под стражей. Его содержание под стражей в России являлось законным, так как было основано на решении городского суда г. Алматы от 14 февраля 2006 г.

25. 28 октября 2009 г. Суд указал властям государства-ответчика, что заявитель не должен быть выдан в Казахстан вплоть до дальнейшего уведомления.

26. 29 октября 2009 г. Федеральная служба исполнения наказаний сообщила Генеральной прокуратуре о том, что Суд указал российским властям отложить экстрадицию заявителя до дальнейшего уведомления.

27. Дополнительно, по запросу Суда, российские власти направили заверения, предоставленные Генеральной прокуратурой Казахстана 9 ноября 2009 г. Данные заверения подтверждали ранее

6 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

предоставленные заверения, а также содержали определенные гарантии того, что заявитель не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, и что он будет пользоваться всеми процессуальными средствами защиты, предоставленными в соответствии с Международным пактом ООН о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ратифицированным Казахстаном в 2005 г. Власти Казахстана также приняли обязательства по исполнению требований статей 2, 3, 5, 6, 7, 13 и 14 Конвенции, в частности, с целью обеспечения справедливого судебного разбирательства по делу заявителя. Они также указали, что 17 декабря 2003 г. Казахстан объявил мораторий на смертную казнь и, следовательно, смертная казнь не может быть применена к заявителю. Наконец, они предоставили заверения в том, что заявителю в Казахстане будет предоставлена соответствующая медицинская помощь и, при необходимости, медицинский персонал будет сопровождать заявителя из России в Казахстан.

28. 16 февраля 2010 г. Суд сообщил Властям о том, что было принято решение отменить временную меру, ранее указанную 28 октября 2009 г., в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в отношении заявителя.

В. Содержание заявителя под стражей в России в ожидании экстрадиции

29. После задержания 3 мая 2009 г. (см. пункт 13 выше), 4 мая 2009 г. районная прокуратура распорядилась о содержании заявителя под стражей в качестве меры пресечения с целью «обеспечения возможности его экстрадиции» на основании решения городского суда г. Алматы от 14 февраля 2006 г. Районная прокуратура сослалась на статью 61 Минской конвенции в качестве законного основания для содержания заявителя под стражей.

30. 9 июня 2009 г., после получения запроса Генеральной прокуратуры Казахстана от 1 июня 2009 г., районная прокуратура вынесла второе постановление с указанием о заключении заявителя под стражу в качестве меры пресечения на основании решения городского суда г. Алматы от 14 февраля 2006 г. и в соответствии с пунктом 2 Статьи 466 УПК.

31. 28 августа 2009 г., при рассмотрении апелляции заявителя в отношении распоряжения об экстрадиции, Московский городской суд отклонил ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи в связи с состоянием здоровья, так как, в соответствии с информацией, предоставленной администрацией следственного изолятора, заявитель не страдал от недомоганий, препятствующих его содержанию под стражей.

32. 4 декабря 2009 г. заявитель подал жалобу в Преображенский районный суд г. Москвы. Он указал, что его продолжительное содержание под стражей нарушало российское уголовно-процессуальное право и Конвенцию. Он отметил, что его содержание под стражей с 3 мая 2009 г. не было санкционировано каким-либо судом и подчеркнул, что его состояние здоровья требовало его немедленного освобождения.

33. 9 декабря 2009 г. Преображенский районный суд г. Москвы отказал в рассмотрении жалобы заявителя в соответствии со Статьей 125 УПК по двум причинам. Во-первых, суд отметил, что жалоба заявителя подлежала представлению в другой суд, а именно, в Гагаринский районный суд г. Москвы, который имел надлежащую территориальную подсудность. Во-вторых, суд указал, что Статья 125 УПК не применима в случаях предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей.

18 окт 2010
34. 23 апреля 2010 г. Московский городской прокурор ходатайствовал перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции до восемнадцати месяцев, то есть, до 3 ноября 2010 г., на основании того, что после принятия Верховным Судом России постановления Пленума от 29 октября 2009 г. была необходима судебная санкция для продления срока содержания под стражей в ожидании экстрадиции, и так как 4 мая 2010 истекает год с момента вынесения первого распоряжения о заключении заявителя под стражу.

35. 30 апреля 2010 г. Московский городской суд удовлетворил ходатайство от 23 апреля 2010 г. и продлил срок содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции до 3 ноября 2010 г. В соответствующей части упомянутого решения было указано следующее:

«Решение Генеральной прокуратуры РФ об экстрадиции в отношении заявителя, утвержденное вступившим в силу решением Московского городского суда от 28 августа 2009 г., не было исполнено по причине указания вице-председателя Европейского Суда по правам человека в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда по делу «Ошлаков против России» о том, что все действия, имеющие отношение к экстрадиции Ошлакова, должны быть приостановлены до дальнейшего уведомления.

Учитывая, что такое уведомление не было получено до настоящего времени, и что не имеется причин для освобождения Ошлакова из-под стражи, суд считает, что имеются фактические и законные основания в настоящем деле, гарантирующие продление срока содержания Ошлакова под стражей на срок до восемнадцати месяцев, а именно, до 3 ноября 2010 г., что не противоречит требованиям Статьи 108 и пункта 1 Статьи 466 УПК в отношении избрания и продления [срока] содержания под стражей в качестве меры пресечения с целью обеспечения возможной экстрадиции лица в иностранное государство в связи с преступлениями, совершенными на территории такого государства.

8 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

Рассматриваемый срок является обоснованным, [его продление] обусловлено объективными обстоятельствами, связанными с указанием [Европейского] Суда по правам человека и принятым распоряжением об экстрадиции, и не может рассматриваться в качестве доказательства нарушения прав и свобод Ошлакова».

36. В соответствии с информацией, предоставленной Московским городским судом, до 18 мая 2010 г. не было подано жалобы на постановление от 30 апреля 2010 г. Следовательно, вышеупомянутое постановление вступило в силу.

37. 24 мая 2010 г. Бабушкинский районный суд г. Москвы возвратил жалобу заявителя о содержании под стражей в течение срока, превышающего предусмотренный Статьей 109 УПК, по той причине, что заявитель не указал, какие именно действия государственных должностных лиц он оспаривает, а также подает ли он жалобу в соответствии со Статьей 125 УПК или в соответствии с Главой 25 гражданского процессуального кодекса РФ. Районный суд сообщил заявителю о возможности повторного обращения в суд после исправления текста жалобы. По-видимому, заявитель не обратился в суд повторно и не обжаловал судебное решение.

38. 3 ноября 2010 г. заявитель был освобожден из следственного изолятора по причине истечения максимального срока содержания под стражей в ожидании экстрадиции, составившего восемнадцать месяцев. Как указано выше (см. пункт 6), заявитель в настоящее время проживает в г. Москве.

Г. Судебные разбирательства по вопросу о предоставлении заявителю статуса беженца

39. 4 мая 2009 г., во время содержания под стражей в следственном изоляторе, заявитель заполнил анкету, в которой указал, что приехал в Россию в 2005 г. с целью лечения онкологического заболевания и что он не обращался за предоставлением статуса беженца или временного убежища.

40. 2 сентября 2009 г. заявитель обратился в Управление ФМС России по г. Москве (далее - «Московское ФМС») за предоставлением статуса беженца, ссылаясь, в числе прочего, на риск преследования со стороны полиции Казахстана по причине его статуса предпринимателя. Он указал, что в 2004 г. при его задержании он был подвергнут психологическому давлению и избит полицией.

41. 6 октября 2009 г. Московское ФМС отклонило ходатайство заявителя о предоставлении статуса беженца, так как не имелось оснований полагать, что в его отношении было возбуждено уголовное дело с целью преследования на основании принадлежности к определенной социальной, этнической или политической группе.

42. 27 ноября 2009 г. Федеральная миграционная служба России (далее - «ФМС России») отклонила жалобу, поданную заявителем на решение Московского ФМС от 6 октября 2009 г.

43. В неуказанную дату заявитель подал в Бабушкинский районный суд г. Москвы жалобу на решение Московского ФМС от 6 октября 2009 г. 11 декабря 2009 г. упомянутый суд возвратил жалобу заявителю в связи с нарушением территориальной подсудности, а также указал, что заявителю следует обратиться в Бутырский районный суд г. Москвы.

44. 7 мая 2010 г. Московское ФМС уведомило районную прокуратуру о решениях об отказе в предоставлении заявителю статуса беженца.

45. 4 июня 2010 г. Бутырский районный суд г. Москвы отказал в рассмотрении жалобы заявителя на решения ФМС по процессуальным основаниям.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. Конституция Российской Федерации 1993 года

46. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 § 1). Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Срок, в течение которого лицо может быть задержано до получения такого распоряжения, не может превышать сорока восьми часов (статья 22 § 2).

Б. Уголовно-процессуальный кодекс

47. Глава 13 УПК РФ упорядочивает применение мер пресечения. Заключение под стражу является мерой пресечения, применяемой по судебному распоряжению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, наказуемых лишением свободы на срок не менее двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (часть 1 статьи 108). Ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (часть 4 статьи 108). Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения (часть 11 статьи 108). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть 1

10 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

статьи 109), однако этот срок может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня на срок до 6 месяцев (часть 2 статьи 109). Дальнейшее продление судом возможно, только если лицо обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ст. 109 ч. 3 УПК РФ).

48. Глава 16 УПК РФ устанавливает порядок, в соответствии с которым могут быть оспорены действия или решения суда или государственного должностного лица, участвующего в уголовном процессе. Действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда могут быть обжалованы «участниками уголовного судопроизводства», а также «иными лицами в той части, в которой [рассматриваемые] действия и решения затрагивают их интересы» (статья 123). Данные действия или бездействие могут быть обжалованы в прокуратуру (статья 124). Постановления дознавателя, следователя и прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно их иные решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб правам «участников уголовного судопроизводства» либо «затруднить доступ граждан к правосудию», могут быть обжалованы в суд (статья 125).

49. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенное судом иностранного государства, Генеральный прокурор или его заместитель должен принять решение о мере пресечения, которую следует применить к лицу, выдача которого запрашивается. Такая мера должна применяться в соответствии с установленным порядком (часть 1 статьи 466).

50. При получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации (часть 2 статьи 466).

51. В выдаче лица может быть отказано, если деяние, послужившее основанием для запроса иностранного государства о выдаче, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации не является преступлением (пункт 1 части 2 статьи 464).

В. Практика Конституционного Суда Российской Федерации

1. Постановление от 17 февраля 1998 г.

52. Проверяя допустимость части 2 статьи 31 Закона «О правовом положении иностранных граждан в СССР» 1982¹ года, Конституционный Суд постановил, что иностранный гражданин, подлежащий высылке с территории Российской Федерации, не может быть задержан более чем на 48 часов без судебного распоряжения.

2. Определение Конституционного Суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

53. Конституционный Суд рассмотрел вопрос о соответствии части 1 статьи 446 УПК РФ Конституции Российской Федерации и вновь подтвердил свою устоявшуюся прецедентную практику по данному вопросу, согласно которой чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени и неконтролируемое, во всех случаях, включая процедуру экстрадиции, не совместимо с положениями статьи 22 Конституции Российской Федерации, а также с пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

54. По мнению Конституционного Суда, отсутствие определенных правил по вопросам заключения под стражу в части 1 статьи 466 не создает несовместимой с Конституцией правовой лакуны. Пункт 1 статьи 8 Минской конвенции 1993 года прямо предусматривает, что при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны, то есть порядок, который установлен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Эта процедура охватывает, в частности, часть 1 статьи 466 Кодекса и нормативы, сформулированные в его главе 13 («Меры пресечения»), которые, благодаря их общему характеру и положению в части I Кодекса («Общие положения»), являются применимыми ко всем стадиям и формам уголовного судопроизводства, включая рассмотрение запросов об экстрадиции.

55. Конституционный Суд подчеркнул, что гарантии прав на свободу и личную неприкосновенность, сформулированные в статье 22 и главе 2 Конституции, полностью применимы к помещению под стражу с целью экстрадиции. Соответственно, статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде содержания под стражей без соблюдения процедуры, установленной в УПК, либо с превышением установленных в УПК предельных сроков.

1. Отменено Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ

12 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

3. *Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 года по ходатайству Генеральной прокуратуры о разъяснении*

56. Генеральный прокурор Российской Федерации обратился в Конституционный Суд Российской Федерации за официальным разъяснением Определения № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, уточнения процедуры продления срока содержания лица под стражей с целью выдачи.

57. Конституционный Суд отклонил ходатайство на том основании, что он не имел компетенции для указания конкретных норм уголовного права по процедуре и срокам содержания лица под стражей с целью экстрадиции. Эта проблема находилась в компетенции судов общей юрисдикции.

4. *Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года*

58. Конституционный Суд напомнил, что в его устоявшейся практике объем конституционного права на свободу и личную неприкосновенность одинаков для иностранных граждан, лиц без гражданства и граждан России. Иностранный гражданин или лицо без гражданства не могут быть задержаны в России более чем на 48 часов без постановления суда. Это конституционное требование служит гарантией защиты не только от избыточной продолжительности срока задержания сверх 48 часов, но и от произвольного задержания как такового, поскольку суд оценивает законность и обоснованность применения задержания к конкретному лицу.

59. Конституционный Суд постановил, что часть 1 статьи 466 УПК в совокупности с Минской Конвенцией не может быть истолкована как разрешение на содержание лица под стражей более 48 часов на основании запроса о его/ее выдаче без постановления российского суда. Мера, связанная с содержанием под стражей, может быть применена только в соответствии с процедурой, установленной УПК РФ, и в срок, оговоренный в указанном Кодексе.

5. *Определение Конституционного Суда № 383-О-О от 19 марта 2009 года*

60. Конституционный Суд отклонил как неприемлемое заявление о проверке конституционности части 2 статьи 466 УПК, указав, что это положение «не устанавливает сроки содержания под стражей и не определяет основания и порядок избрания меры пресечения, она лишь закрепляет правомочие прокурора на исполнение уже состоявшегося решения компетентного судебного органа иностранного государства о заключении под стражу лица, обвиняемого в совершении

преступления. Таким образом, оспариваемая норма не может считаться нарушающей конституционные права [истца] ...».

Г. Решения Верховного Суда Российской Федерации

1. Постановление № 1 от 10 февраля 2009 г.

61. В Постановлении № 1, принятом на заседании Пленума Верховного суда Российской Федерации 10 февраля 2009 г. (далее - «Постановление от 10 февраля 2009 г.»), Пленум дал ряд указаний для судов по применению Статьи 125 УПК. Пленум повторил, что любой участник уголовного судопроизводства или иное лицо, чьи права и свободы были затронуты действиями или бездействием органов следствия или органов прокуратуры в рамках уголовного судопроизводства, могут ссылаться на статью 125 УПК РФ, чтобы оспорить отказ в возбуждении уголовного дела или решения о его прекращении. Пленум указал, что, тогда как сфера действия решений, подлежащих судебному пересмотру в соответствии со Статьей 125, включала решения о возбуждении уголовных дел, отказы в принятии адвокатов стороны защиты или о предоставлении статуса потерпевшего, лицо не может опираться на Статью 125 с целью оспаривания решения суда о наложении штрафа или домашнего ареста или заключения под стражу. Также было подчеркнуто, что при объявлении определенного действия или бездействия правоохранительных органов незаконным или необоснованным, судья не имеет право отменить оспариваемое решение или обязать официальное лицо отменить его, но может лишь запросить устранить выявленные недостатки. Если орган, вынесший оспариваемое решение, не выполняет указания суда, заинтересованная сторона может вновь обратиться в суд с жалобой на бездействие данного органа, и суд может вынести частное определение, привлекая внимание такого органа к сложившейся ситуации. Наконец, в постановлении было указано, что решение прокурора о содержании лица под домашним арестом или содержании под стражей с целью экстрадиции может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК.

2. Постановление № 22 от 29 октября 2009 г.

62. В постановлении № 22, принятом Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 29 октября 2009 года («Постановление от 29 октября 2009 года») утверждалось, что, в соответствии с частью 1 статьи 466 УПК РФ применение заключения под стражу к лицу, в отношении которого решается вопрос о его выдаче по запросу иностранного государства для уголовного преследования, если не

14 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

представлено решение судебного органа этого государства об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, допускается лишь по судебному постановлению. В таком случае судебное решение вопроса о заключении под стражу должно быть принято в соответствии со статьями 108 УПК и после ходатайства прокурора о заключении лица под стражу. Принимая решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, судье надлежит проверить фактические и правовые основания для избрания такой меры пресечения. Если к запросу о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении такого лица под стражу, то прокурор в соответствии с частью 2 статьи 466 УПК РФ вправе заключить его под стражу без подтверждения судом указанного решения на срок, не превышающий 2 месяца (часть 1 статьи 109 УПК РФ). Постановление прокурора может быть обжаловано в суд в соответствии со статьями 125 УПК РФ. Продлевая срок содержания под стражей в отношении такого лица, суду необходимо руководствоваться положениями статьи 109 УПК РФ.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран СНГ 1993 года («Минская Конвенция»)

63. При исполнении действий согласно Минской Конвенции, сторонами которой являются в том числе Россия и Казахстан, официальный орган применяет законодательство своей страны (пункт 1 статьи 8).

64. По получении запроса о выдаче запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (статья 60).

65. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу до получения запроса о выдаче, если имеется соответствующее ходатайство. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу, и указание на то, что запрос о выдаче будет представлен дополнительно (пункт 1 статьи 61). О взятии под стражу или задержании до получения запроса о выдаче необходимо немедленно уведомить другую Договаривающуюся Сторону (пункт 3 статьи 61).

66. Лицо, взятое под стражу согласно пункту 1 статьи 61 Минской Конвенции, должно быть освобождено, если требование о выдаче со всеми приложенными к нему документами не будет получено

запрашиваемой Договаривающейся Стороной в течение сорока дней со дня взятия под стражу (пункт 1 статьи 62).

Б. Международные документы в отношении Казахстана

67. Соответствующие отчеты по Казахстану за периоды с 2004 г. по 2009 г. и с 2010 г. по 2012 гг., см. дела «Джаксыбергенов против Украины» (*Dzhaksybergenov v. Ukraine*) (жалоба № 12343/10, пункты 25-29, 10 февраля 2011 г.) и «Ефимова против России» (*Yefimova v. Russia*) (жалоба № 39786/09, пункты 167-75, 19 февраля 2013 г.), соответственно.

68. Всемирный доклад правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch) за 2013 г. не упоминает отдельно проблему жестокого обращения при содержании под стражей, и части, которая может быть применима к данному вопросу, гласит следующее:

«Действия полиции и сил безопасности

16 декабря 2011 г. возникли столкновения между полицией и демонстрантами, среди которых были бастующие нефтяной промышленности, собравшиеся на центральной площади Жанаозена. В ответ на столкновения и последующие беспорядки с нанесением увечий, полиция и правительственные войска открыли огонь, убив 12 и ранив множество демонстрантов (по данным властей). В столкновениях погибли еще три человека и несколько офицеров полиции были ранены. 17 декабря полиция застрелила одного из протестующих в Шетпе. Применение силы и огнестрельного оружия силами безопасности, по-видимому, не является обоснованным или соразмерным ...

Заключение активистов под стражу

В 2012 г. власти амнистировали определенное число активистов, заключенных под стражу ...

Начиная с января, власти злоупотребляли уголовными обвинениями с целью ареста множества других, включая Владимира Козлова, лидера незарегистрированной оппозиционной партии «Альга», гражданского активиста Серика Сапаргали и работника нефтяной промышленности Акжаната Аминова...

Пытки

Заключенные выдвинули обоснованные и серьезные обвинения в применении пыток в 2012 г., особенно после насильственных действий в Жанаозен. Власти не предприняли надлежащих мер для тщательного расследования указанных обвинений или привлечения преступников к ответственности, тем самым усиливая практику безнаказанности.

С 16 по 19 декабря 2011 г. полиция задержала сотни людей в Жанаозен, и некоторые из них заявили, что сотрудники полиции избивали заключенных ногами и дубинками, раздевали догола, ходили по ним и держали их на холоде. В марте ответчики на одном из судебных разбирательств, проходивших после событий в Жанаозен, показали, что надзиратели и следователи подвергали их физическому и психологическому насилию, включая избиение, удушение и угрозы изнасилования или расправы над членами их семей. Прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела.

16 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

22 декабря Базарбай Кенжебаев, 50-ти лет, скончался от травм, полученных в отделении полиции. Кенжебаев рассказывал членам своей семьи, как сотрудники полиции жестоко избивали его, заставляли его раздеться, лечь лицом вниз на пол и ходили по нему, наступая на голову. В мае бывший начальник изолятора временного содержания в г. Жанаозен был приговорен к тюремному заключению сроком на 5 лет, но лица, непосредственно ответственные за избиение, приведшее к смерти Кенжебаева, не понесли ответственность.

Группы по правам человека выразили свою озабоченность в отношении Владислава Челаха, 19-летнего пограничника, обвиненного в убийстве 15 сослуживцев на пограничном посту на границе Казахстана с Китаем. Группы сообщили, что в течение многих недель власти содержали его в одиночном заключении и заставляли его признаться. Его дело, разбирательства по которому продолжаются на момент составления настоящего доклада, содержит множество несоответствий».

69. В главе Ежегодного отчета организации «Международная амнистия» по Казахстану в соответствующей части говорится следующее:

«Чрезмерное применение силы

В январе 2012 г., после расследования применения силами безопасности силы со смертельным исходом, пятеро старших офицеров были обвинены в превышении должностных полномочий в отношении применения силы в г. Жанаозен. Тем не менее, количество смертей и тяжелых телесных повреждений в результате огнестрельных ранений показывало, что огнестрельное оружие применяло гораздо большее число офицеров, чем было указано. Соответствующее судебное разбирательство состоялось после событий 16 декабря 2011 г., когда во время празднования 20-й годовщины независимости Казахстана в юго-западном районе г. Жанаозен было множество столкновений между протестующими и полицией. Было убито не менее 15 человек, более 100 - тяжело ранено. Как сообщалось, силы безопасности не прошли специального обучения по использованию ненасильственных и соразмерных способов сдерживания толпы при охране порядка в ходе демонстраций протеста и забастовок, несмотря на месяцы столкновений с бастующими и протестующими работниками нефтяной промышленности, их семьями и поддерживающими их лицами в 2011 г...

Пытки и другие виды жестокого обращения

Большинство из 37 ответчиков, представивших перед судом в марте в центре региона Актау за организацию или участие в насилии в г. Жанаозен, утверждали, что они подвергались пыткам или иному жестокому обращению при содержании под стражей со стороны сил безопасности с целью получения признаний, и отказывались от своих признательных показаний в суде. Методы пыток, описанные ответчиками, совпадали с показаниями многих заключенных, освобожденных в декабре 2011 г., а именно, их доставляли в неофициальные места содержания под стражей или подземные помещения для содержания под стражей в отделениях полиции, раздевали донага, заставляли лечь или склониться на холодный бетонный пол, обливали холодной водой, избивали, часто до потери сознания. Затем их снова обливали холодной водой и регулярно избивали в течение многих часов. В ходе судебных разбирательств десять человек из числа свидетелей стороны обвинения отказались от своих показаний

против обвиняемых и пожаловались, что они подвергались пыткам или иному жестокому обращению с целью принуждения к даче показаний против ответчиков.

Некоторые ответчики указывали на сотрудников полиции и служб безопасности, которые подвергали их пыткам и иному жестокому обращению. Сотрудники полиции и сил безопасности обвинялись ответчиками и их адвокатами в применении огнестрельного оружия против демонстрантов и жестоком обращении с демонстрантами при содержании под стражей и ответчики давали против них показания в суде в качестве потерпевших или свидетелей, в некоторых случаях анонимно. Все сотрудники полиции и сил безопасности в свое оправдание ссылались на вынужденную самооборону. При вопросе о том, кто дал приказ открыть огонь, некоторые сотрудники указали, что они не получали никаких приказов открывать огонь, а также не получали приказов прекратить огонь. Генеральная прокуратура рассмотрела утверждения о пытках по запросу судебного заседателя, но отклонила жалобы. Семеро обвиняемых были приговорены к тюремному заключению на сроки до семи лет.

Роза Тулетаева, активист борьбы за права трудящихся, которая являлась одним из основных контактных лиц для СМИ и международных организаций в ходе забастовки работников нефтяной промышленности в 2011 г., рассказала в суде, что в ходе допросов ее подвешивали за волосы, что сотрудники служб безопасности угрожали причинить вред ее четырнадцатилетней дочери, что они одевали пластиковый пакет ей на голову, чтобы придушить ее, и что они унижали ее в сексуальном отношении и насиловали ее. Она сказала, что ей стыдно описывать пытки, которым она подвергалась, в зале суда в присутствии ее семьи и друзей. Она была приговорена к семи годам лишения свободы за «разжигание социальной розни».

Несправедливые судебные разбирательства

Дополнительно к 37 лицам, которые содержались под стражей в г. Жанаозен в декабре 2011 г. и предстали перед судом в марте 2012 г., в январе силы безопасности заключили под стражу трех активистов политической оппозиции в г. Алматы, а в июне - директора известного театра и активиста молодежного движения, и обвинили их в «разжигании социальной розни» и «дестабилизации ситуации в регионе» в связи с событиями в г. Жанаозен. Все упомянутые лица, кроме двоих, были условно освобождены после нескольких недель содержания под стражей в Службе национальной безопасности (СНБ), когда они согласились подписать признания в том, что они приезжали в Жанаозен для поддержки бастующих работников нефтяной промышленности...

23 января сотрудники СНБ задержали Владимира Козлова, лидера незарегистрированной оппозиционной партии «Альга», в его доме в г. Алматы по обвинению в «разжигании социальной розни»...

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

70. Заявитель жаловался на то, что его экстрадиция в Казахстан подвергнет его риску жестокого обращения. Он сформулировал свою

18 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции и неопределенно сослался на статью 6 Конвенции, но без конкретной жалобы в этом отношении. Суд считает, что данная жалоба должна быть рассмотрена в рамках статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. *Власти*

71. Власти указали, что утверждения заявителя о возможном жестоком обращении в Казахстане были проверены Московским городским судом и Верховным Судом России, и были отклонены в качестве необоснованных.

72. Власти настаивали на том, что Казахстан являлся стороной определенного числа международных соглашений о правах человека, и законодательство Казахстана, включая Конституцию и Уголовно-процессуальный кодекс, запрещало пытки. С 2003 г. в Казахстане действовал мораторий на смертную казнь. Принимая запрос об экстрадиции заявителя, российские суды принимали во внимание заверения, предоставленные властями Казахстана. Среди прочего, им были предоставлены заверения в том, что уголовное преследование заявителя не являлось политически мотивированным; заявитель не будет подвергнут пыткам или другому жестокому обращению; а также заявителю будет предоставлена соответствующая медицинская помощь, в случае необходимости.

2. *Заявитель*

73. Заявитель указал, что его экстрадиция в Казахстан нарушит статью 3 Конвенции. Он утверждал, что власти Казахстана лишили его имущества, что, по его мнению, доказывает, что верховенство права не действует в запрашивающей стране. Российские власти отказали в рассмотрении жалоб о лишении имущества, хотя, по его мнению, было ясно, что полиция Казахстана сделает все, что в ее полномочиях, чтобы сохранить имущество, украденное у заявителя, включая возможные попытки «избавиться» от него с помощью преступников.

74. Заявитель также сослался, хотя и очень неопределенно, на тот факт, что он содержался под стражей в следственном изоляторе в России, несмотря на то, что был болен раком. Он не представил подробностей по этой жалобе.

75. Заявитель также в общих словах указал, что «жестокое обращение с заключенными в Казахстане являлось систематической проблемой», без предоставления каких-либо доказательств.

76. Дипломатические гарантии, предоставленные властями Казахстана, по мнению заявителя, запоздали, так как были получены только 9 ноября 2009 г.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

77. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

78. Суд повторяет, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка этого минимального уровня жестокости по своему характеру относительна, она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст жестокого обращения, способ и метод его применения, его продолжительность, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях – от пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 16 декабря 1999 года по делу «Т. против Соединенного Королевства» (*T. v. the United Kingdom*), жалоба № 24724/94, пункт 68). Утверждения о жестоком обращении должны подкрепляться соответствующими доказательствами. Оценивая такие доказательства, Европейский Суд придерживается стандарта доказывания «вне разумных сомнений», но добавляет, что такой критерий доказывания может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или похожих неопровержимых фактических презумпций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункт 67, ECHR 2006-IX).

79. Далее Европейский Суд напоминает, что экстрадиция Договаривающимся Государством может дать основание для возникновения вопроса о соответствии со статьей 3, и, следовательно, повлечь за собой ответственность этого Государства в соответствии с Конвенцией; это может произойти при наличии существенных оснований полагать, что в случае экстрадиции для подозреваемого лица будет существовать реальная угроза подвергнуться в принимающей стране обращению, нарушающему статью 3 Конвенции. Чтобы возложить такую ответственность, необходимо оценить условия

20 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

в этой стране в сопоставлении их с требованиями статьи 3 Конвенции. Тем не менее, не ставится вопрос о вынесении решения в отношении принимающей страны или установления ее ответственности, будь то в рамках общего международного права, в соответствии с Конвенцией или иным образом (см. дело «*Солинг против Соединенного Королевства*» (*Soering v. the United Kingdom*), 7 июля 1989 г., пункт 91, Серия А № 161, и дело «*Эль Масри против «бывшей Югославской республики Македония»*» (*El Masri v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*) [БП], жалоба № 39630/09, пункт 212, ЕСПЧ 2012).

80. Определяя, было ли продемонстрировано, что в случае его выдачи заявитель подвергнется реальному риску обращения, запрещенному статьей 3, Суд рассмотрит вопрос в свете всех предоставленных ему материалов или, если необходимо, материалов, полученных им по собственной инициативе (*proprio motu*). Поскольку характер ответственности Договаривающихся Государств в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам такого рода заключается в действии, подвергающем лицо угрозе жестокого обращения, факт существования угрозы должен оцениваться прежде всего с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся Государству на момент экстрадиции (см., с дальнейшими ссылками, «*Искандаров против России*» (*Iskandarov v. Russia*), жалоба № 17185/05, пункт 126, 23 сентября 2010 г.). Однако, если заявитель не выдан и не выслан во время рассмотрения его дела Судом, соответствующее время будет временем разбирательства в Суде (см. дело «*Чихал против Соединенного Королевства*» (*Chahal v. the United Kingdom*), 15 ноября 1996 г., пункты 85-86, *Сборник постановлений и решений* 1996-V, и «*Кляйн против России*» (*Klein v. Russia*), жалоба № 24268/08, пункт 45, 1 апреля 2010 г.).

81. Чтобы установить наличие риска жестокого обращения, Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя принимающему государству, учитывая общую обстановку в указанном государстве и личные обстоятельства заявителя (см. постановление Европейского Суда от 30 октября 1991 года по делу «*Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства*» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), пункт 108 *in fine*, Серия А № 215). В принципе, именно заявитель должен представить убедительные доказательства того, что существуют серьезные основания полагать, что в случае применения оспариваемой меры он подвергнется реальной опасности пострадать от обращения, противоречащего статье 3 (см. постановление от 26 июля 2005 года по делу «*Н. против Финляндии*» (*N. v. Finland*), жалоба № 38885/02, пункт 167). Если такие доказательства приведены, то от Властей ожидается, что они разведут

любые сомнения по этому поводу (см. *«Рябкин против России»* (*Ryabikin v. Russia*) от 19 июня 2008 г., жалоба № 8320/04, пункт 112).

82. Что касается общей ситуации в определенной стране, Суд полагает, что может придавать определенное значение информации, содержащейся в недавних докладах независимых международных правозащитных организаций, таких как «Международная амнистия», или в правительственных источниках (см., например, постановление по делу *Чахала (Chahal)*, упомянутое выше, пункты 99–100; постановления по делам *«Мюслим против Турции»* (*Müslim v. Turkey*), жалоба № 53566/99, пункт 67, от 26 апреля 2005 года; *«Саид против Нидерландов»* (*Said v. the Netherlands*), жалоба № 2345/02, пункт 54, ЕСПЧ 2005-VI; *«Аль-Моайяд против Германии»* (*Al-Moayad v. Germany*), (реш.), жалоба № 35865/03, пункты 65–66, 20 февраля 2007 г.).

83. В то же время, одна лишь возможность жестокого обращения по причине нестабильной ситуации в запрашивающей стране сама по себе не вызывает нарушения статьи 3 (см. постановление по делу *Вилвараджи и других (Vilvarajah and Others)*, упомянутое выше, пункт 111, и дело Искандарова, упомянутое выше, пункт 127). В то время как источники, которые имеются в распоряжении Суда, представляют общее состояние дел, конкретные утверждения заявителя в каждом случае требуют подтверждения другими доказательствами (см. *«Маматкулов и Аскарлов против Турции»* (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [БП], жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 73, ЕСПЧ 2005-I), кроме самых крайних случаев, когда общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдача заявителя данной стране повлекла бы за собой нарушение статьи 3 (см. *«Н.А. против Соединенного Королевства»*, (*N.A. v. the United Kingdom*) жалоба № 25904/07, пункты 115–16, от 17 июля 2008 г., и дело *«Суфи и Эльми против Соединенного Королевства»*, (*Sufi and Elmi v. the United Kingdom*), жалобы №№ 8319/07 и 11449/07, пункт 217, 28 июня 2011 г.; и *«Савриддин Джураев против России»* (*Savriddin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10, пункт 153, ЕСПЧ 2013 (выдержки)).

84. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд считает, что необходимо рассмотреть, действительно ли предвидимые последствия экстрадиции заявителя в Казахстан способны привести к нарушению статьи 3 Конвенции. Так как заявитель не был экстрадирован, датой оценки такого риска в данном деле является дата рассмотрения его Судом.

85. Суд уже усматривал, что, несмотря на указание в международных докладах на серьезные проблемы в отношении прав человека в Казахстане, нет указаний на то, что данная ситуация является достаточно безнадежной, чтобы призвать к полному запрету

22 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

экстрадиции в данную страну (см. дело *Джаксигбергенова*, упомянутое выше, пункт 37; *«Шарипов против России»* (*Sharipov v. Russia*), жалоба № 18414/10, пункт 35, 11 октября 2011 г.; и дело *Ефимовой*, упомянутое выше, пункт 200).

86. Более того, доклады правозащитных организаций «Хьюман Райтс Вотч» и «Международной амнистии» о ситуации с правами человека в Казахстане в целом за 2013 г. содержат упоминания только случаев жестокого обращения со стороны властей с лицами, принимавшими участие в протесте 2011 г. в Жанаозен и с политическими оппонентами правящей партии (см. пункты 68 и 69 выше). Заявитель никогда не заявлял о принадлежности к какой-либо из указанных групп.

87. Суд также подчеркивает, что в представленных материалах дела нет подтверждения того, что заявитель относится к любой другой уязвимой группе, в отношении которой может иметь место жестокое обращение в запрашивающей стране. Заявитель обвиняется в бандитизме и убийстве, то есть в совершении общеуголовных преступлений, которые в настоящем деле не могут быть описаны в качестве политически мотивированных. Утверждения заявителя о том, что любой заключенный в Казахстане подвергается риску жестокого обращения, являются слишком общими и не могут трактоваться в качестве обнаруживающих какой-либо определенный риск для него, возникающий в результате его частной ситуации. Его претензии о том, что он является целью для неизвестных сотрудников полиции Казахстана, которые, по его словам, лишили его имущества, не подтверждены доказательствами.

88. Неопределенное упоминание заявителем его плохого состояния здоровья само по себе не может рассматриваться в качестве основания для того, чтобы он остался в России, так как ничего в утверждениях заявителя не указывает на то, что лечебные учреждения в Казахстане хуже таких учреждений в России, и что заявитель не получит соответствующего лечения рака в запрашивающей стране. Следовательно, Суд не видит непреодолимых гуманистических оснований, препятствующих экстрадиции заявителя в настоящем деле (см. *«Н. против Соединенного Королевства»* (*N. v. the United Kingdom*) [БП], жалоба № 26565/05, пункт 42, ЕСПЧ 2008).

89. Следовательно, Суд заключает, что нельзя сказать, что заявитель сослался на какие-либо отдельные обстоятельства, которые могли бы обосновать его страх, что он подвергнется жестокому обращению (см. *«Пузан против Украины»* (*Puzan v. Ukraine*), жалоба № 51243/08, пункт 34, 18 февраля 2010 г., и *«Эльмуратов против России»* (*Elmuratov v. Russia*), жалоба № 66317/09, пункт 84, 3 марта 2011 г.).

показания
нет

бонус

аргументы

90. Учитывая, что заявитель не доказал, что он столкнется с каким-либо фактическим риском жестокого обращения в случае его экстрадиции, Суд не считает необходимым оценивать дипломатические гарантии, предоставленные Властями Казахстана (см. для сравнения «*Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства*» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*), жалоба № 8139/09, пункт 192, ЕПЧ 2012 (выдержки)).

91. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что заявитель не обосновал свои утверждения о том, что его экстрадиция в Казахстан нарушила бы статью 3 Конвенции.

92. Соответственно факт нарушения указанного положения не установлен.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей в ожидании экстрадиции нарушало требование законности и подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Он также утверждал, что не имел возможности прибегнуть к судебному пересмотру вопроса о его содержании под стражей, в нарушение положений пункта 4 статьи 5 Конвенции. Статья 5 в соответствующей части гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче".

...

4: Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Доводы сторон

1. Доводы Властей

94. Власти оспорили утверждения заявителя. Они указали, что содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции являлось законным, так как было санкционировано районной прокуратурой 4 мая 2009 г. в соответствии со Статьей 61 Минской конвенции и далее 9 июня 2009 г. в соответствии с пунктом 2 Статьи 466 УПК. Срок содержания под стражей был продлен Московским городским судом

30 апреля 2010 г. до восемнадцати месяцев в соответствии со Статьей 109 УПК и Постановлением Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. Применимое внутригосударственное законодательство являлось доступным, определенным и предсказуемым в его применении и, следовательно, соответствовало стандарту «качества закона», предусмотренному Конвенцией.

95. Власти утверждали, что продолжительное содержание заявителя под стражей в России после 13 октября 2009 г., когда решение об экстрадиции вступило в силу, являлось результатом применения Правила 39 Регламента Суда, и указания Суда о том, что экстрадиция заявителя в Казахстан должна быть задержана.

96. Власти также указали, что у заявителя была возможность оспорить законность заключения его под стражу в российском суде, которой он воспользовался, обратившись в Преображенский районный суд г. Москвы, который 4 декабря 2009 г. отказал в рассмотрении жалобы в соответствии со Статьей 125 УПК.

97. В итоге, Власти заявили, что содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции являлось законным и соответствовало положениям Минской конвенции, а также подпункту (f) пункта 1 и пункту 4 статьи 5 Конвенции.

2. Доводы заявителя

98. Заявитель возразил, что содержание его под стражей в ожидании экстрадиции нарушало положения внутригосударственного и международного законодательства. Постановление прокуратуры от 9 июня 2009 г., санкционирующее содержания заявителя под стражей, являлось незаконным, так как, несмотря на требования пункта 2 Статьи 466 УПК, российские власти не получали ни копию постановления о заключении под стражу, вынесенного городским судом г. Алматы, ни запроса об экстрадиции к моменту принятия рассматриваемого решения. Более того, заявитель настаивал на том, что он должен был быть освобожден не позднее, чем по прошествии двух месяцев после первоначального заключения под стражу, так как в соответствии с пунктом 2 Статьи 466 УПК срок содержания под стражей, санкционированный прокурором, не может превышать двух месяцев. В отсутствие какого-либо судебного решения в отношении его содержания под стражей с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г. содержание его под стражей нарушало подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции. В течение его продолжительного содержания под стражей он не был защищен от произвольного лишения свободы.

99. Российское уголовно-процессуальное право остается неясным и непредсказуемым в отношении содержания под стражей в ожидании экстрадиции, и тем самым не соответствует требованиям стандарта «качества закона», так как не содержит указания на максимально

возможный срок содержания под стражей и периодический судебный пересмотр законности содержания лица под стражей. Содержание под стражей на основании решения прокурора, подтверждающего постановление иностранного суда и вынесенное *in absentia* в соответствии с пунктом 2 Статьи 466 УПК, лишило заявителя возможности представить свои аргументы в суде, принимающем решение о применении меры пресечения, и оспорить законность его содержания под стражей.

100. Заявитель также жаловался на то, что у него не было возможности подать ходатайство об освобождении в течение содержания его под стражей в ожидании экстрадиции, в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции. Его ходатайство об освобождении было оставлено без рассмотрения Бабушкинским районным судом г. Москвы 24 мая 2010 г., после принятия Постановления Верховного Суда от 29 октября 2009 г. Дополнительно, районный суд сослался на Главу 25 Гражданского процессуального кодекса, которая не может быть применена к тюремному заключению.

101. Статья 109 УПК не позволяла заявителю оспорить законность содержания под стражей в отсутствие запроса прокурора о продлении примененной к заявителю меры пресечения в виде лишения свободы, а также он не имел доступа к какой-либо другой эффективной процедуре, чтобы добиться судебного пересмотра законности содержания его под стражей по истечении определенного периода времени.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

102. Суд отмечает, что данные жалобы на нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции не являются явно необоснованными в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он считает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям, следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Пункт 1 статьи 5 Конвенции

(i) Общие принципы

103. Суд повторяет, что статья 5 закрепляет фундаментальное право человека, а именно – защиту лица от произвольного посягательства государства на его/ее права и свободы. Под пункты с (а) по (f) пункта 1 статьи 5 содержат исчерывающий список допустимых причин, по которым лица могут быть лишены свободы, и

26 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

любое иное лишение свободы не соответствует пункту 1 статьи 5 (см., в числе прочих источников, *«Остин и другие против Соединенного Королевства»* (*Austin and Others v. the United Kingdom*) [БП], жалобы №№ 39692/09, 40713/09 и 41008/09, пункт 60, ЕСПЧ 2012).

104. Обе стороны признают, что заявитель был заключен под стражу в качестве «лица, против которого предпринимаются меры по его ... экстрадиции», и что содержание его под стражей регламентируется подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако стороны расходятся во мнениях по вопросу о том, являлось ли содержание заявителя под стражей «законным» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции.

105. Если под вопрос ставится «законность» содержания под стражей, включая соответствие «порядку, установленному законом», Конвенция непосредственно ссылается на внутригосударственное право и указывает на обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы права. Однако соблюдения норм национального законодательства недостаточно: Пункт 1 статьи 5 дополнительно требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели защиты лица от произвола (см. *«Ходжаев против России»* (*Khodzhayev v. Russia*), жалоба № 52466/08, пункт 134, 12 мая 2010 г.).

106. Несмотря на то, что в первую очередь государственные органы, особенно суды, толкуют и применяют внутригосударственное законодательство, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 несоответствие внутригосударственному законодательству является нарушением Конвенции, и Суд может и должен в таком случае проверить, были ли исполнены требования такого законодательства (см. *«Джечиус против Литвы»* (*Ječius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, пункт 68, ЕСПЧ 2000-IX, и *«Джураев против России»* (*Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 38124/07, пункт 67, 17 декабря 2009 г.).

(ii) Содержание заявителя под стражей в период с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г.

107. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд подчеркивает, что содержание заявителя под стражей с 3 мая 2009 г. первоначально было санкционировано прокуратурой 4 мая 2009 г. на основании ходатайства властей Казахстана о задержании в ожидании запроса об экстрадиции (см. пункт 29 выше). Запрос об экстрадиции был направлен российским властям 1 июня 2009 г. (см. пункт 15 выше). Первое судебное решение о продлении срока содержания заявителя под стражей было вынесено 30 апреля 2010 г. (см. пункт 35 выше).

108. В решении от 4 мая 2009 г. в качестве законного основания была указана Статья 61 Минской конвенции. Ни российские органы

власти в ходе внутригосударственных судебных разбирательств, ни Власти в Суде не упомянули никакой другой внутригосударственной правовой нормы, наделяющей прокурора полномочиями заключать заявителя под стражу до момента получения запроса об экстрадиции. Суд уже установил, что Статья 61 Минской конвенции не устанавливает каких-либо правил в отношении процедуры заключения лица под стражу (см. «Ниязов против России» (*Niyazov v. Russia*), жалоба № 27843/11, пункт 120, 16 октября 2012 г.) и может служить законным основанием для заключения под стражу только совместно с соответствующими положениями внутригосударственного законодательства, определяющими основания и процедуру вынесения постановления о заключении под стражу, а также применимые сроки (см. «Абдулхаков против России» (*Abdulkhakov v. Russia*), жалоба № 14743/11, пункт 171, 2 октября 2012 г.).

109. Учитывая, что не было упомянуто положений российского законодательства, регулирующих содержание заявителя под стражей, до тех пор, пока прокуратура вновь не распорядилась о заключении заявителя под стражу 9 июня 2009 г. (см. пункт 30 выше), Суд усматривает, что с 3 мая по 9 июня 2009 г. заявитель находился в правовом вакууме, который не был предусмотрен каким-либо положением внутригосударственного законодательства, четко определяющим основания для содержания заявителя под стражей и процедуру, а также сроки, применимые к такому содержанию под стражей в ожидании получения запроса об экстрадиции (см. дело *Абдулхакова*, упомянутое выше, пункт 173).

110. Суд также указывает, что содержание заявителя под стражей с 9 июня 2009 г. по 30 апреля 2010 г., когда было вынесено первое судебное решение, включающее содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции, было основано на пункте 2 Статьи 466 УПК, которую Суд уже определил в качестве «неточной и непредсказуемой в ее применении» (см. дело *Абдулхакова*, упомянутое выше, пункт 179, и дело *Ниязова*, упомянутое выше, пункт 121).

111. В свете вышесказанного Суд заключает, что с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г. заявитель содержался под стражей без определенного основания в российском внутригосударственном законодательстве или четких правил, регулирующих данную ситуацию. Данный вывод дополнительно подтверждается тем фактом, что оба решения районной прокуратуры о заключении заявителя под стражу не устанавливают какого-либо срока, ограничивающего содержание заявителя под стражей, или не содержат упоминания о каком-либо законоположении, определяющем такой срок. Данный факт несовместим с принципами правовой определенности и защиты от произвола, проходящими красной нитью через Конвенцию и правовые нормы (см., с необходимыми изменениями (*mutatis mutandis*), «Барановски против

Польши», (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, пункт 56, ЕСПЧ 2000-III). Лишение свободы, которому подвергался заявитель в течение указанного периода, не было ограничено надлежащими мерами предосторожности от произвола (см. дело *Ниязова*, упомянутое выше, пункт 124). Следовательно, применимое российское законодательство не соответствовало стандарту «качества закона», необходимого для соответствия Конвенции. Поэтому Суд усматривает, что содержание заявителя под стражей с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г. являлось спорным, и, следовательно, «незаконным» для целей подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(iii) *Содержание заявителя под стражей в период с 30 апреля по 3 ноября 2010 года*

112. Обращаясь к периоду содержания заявителя под стражей с 30 апреля 2010 г., когда было вынесено первое судебное решение о продлении срока содержания заявителя под стражей (см. пункт 35 выше), по 3 ноября 2010 г., когда заявитель был освобожден по истечении максимального восемнадцатимесячного срока (см. пункт 38 выше), Суд повторяет, что лишение свободы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 приемлемо только на срок проведения судебных разбирательств об экстрадиции. Если такие судебные разбирательства осуществляются без надлежащего усердия, содержание под стражей перестает являться разрешенным в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 (см. «*Саади против Соединенного Королевства*» (*Saadi v. the United Kingdom*) [БП], жалоба № 13229/03, пункт 74, ЕСПЧ 2008). Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылались Власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели (см. «*А. и другие против Соединенного Королевства*» (*A. and Others v. the United Kingdom*) [БП], жалоба № 3455/05, пункт 164, ЕСПЧ 2009).

113. Суд также повторяет свое традиционное мнение о том, что если судебные разбирательства об экстрадиции приостановлены в результате применения обеспечительной меры в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, они считаются проводимыми для целей подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции (см., к примеру, «*Умиров против России*» (*Umirov v. Russia*), жалоба № 17455/11, пункт 139, 18 сентября 2012 г.). Тем не менее, в настоящем деле обеспечительные меры, указанные Властям, были отменены Судом 9 февраля 2010 г.

(см. пункт 5 выше) и Власти были соответствующим образом уведомлены 16 февраля 2010 г. (см. пункт 28 выше). Из формулировки постановления Московского городского суда от 30 апреля 2010 г. о продлении срока содержания заявителя под стражей до восемнадцати месяцев ясно, что единственной причиной такого продления являлись обеспечительные меры, указанные Судом (см. параграф 35 выше). Власти не предоставили объяснений того, были ли внутригосударственные органы, ответственные за экстрадицию заявителя, осведомлены о вышеупомянутом важном процессуальном изменении, или намеренно приняли решение игнорировать его.

114. Суд не готов заключить, что власти действовали недобросовестно, полагаясь на обеспечительные меры, которые прекратили существовать в качестве причин продления срока содержания заявителя под стражей. Тем не менее, к сожалению, Московский городской суд не был информирован о том, что обеспечительные меры в отношении заявителя более не применялись на момент вынесения соответствующего решения.

115. Учитывая, что Московский городской суд принял решение не приводить достаточные фактические или законные причины, способные обосновать содержание заявителя под стражей «с целью... экстрадиции» на шесть месяцев и четыре дня, Суд находит, что содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода не было тесно связано с причиной содержания под стражей, на которую опирались Власти, и следовательно, не было ограничено надлежащими мерами защиты от произвола.

116. В таких обстоятельствах Суд не считает необходимым рассматривать, длились ли в рассматриваемый период судебные разбирательства по вопросу о статусе беженца, инициированные заявителем, так как они не рассматривались Московским городским судом в соответствующем решении.

117. Таким образом, Суд считает, что государственная система не смогла защитить заявителя от произвольного задержания, и его содержание под стражей с 30 апреля по 3 ноября 2010 г. не может считаться «законным» в соответствии с целями статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(iv) Заключение

118. Учитывая вышеприведенные выводы в отношении произвольности содержания заявителя под стражей до и после санкционирования такого заключения под стражу, Суд не считает необходимым оценивать продолжительность содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции и заключает, что в течение всего срока содержания его под стражей в ожидании экстрадиции в Казахстан с 3 мая 2009 г. по 3 ноября 2010 г. заявитель был лишен

30 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

свободы в нарушение гарантий, предусмотренных подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

119. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(b) Пункт 4 статьи 5 Конвенции

(i) Общие принципы

120. Европейский Суд повторяет, что целью пункта 4 статьи 5 Конвенции является обеспечение задержанным и помещенным под стражу лицам права на судебный контроль за законностью применения к ним соответствующей меры пресечения (см., *mutatis mutandis* «*Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии*» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*) от 18 июня 1971 г., Серия А, № 12, пункт 76). В течение содержания лица под стражей ему должно быть доступно средство правовой защиты, позволяющее такому лицу добиться скорого судебного пересмотра законности такого содержания под стражей. Такой пересмотр должен быть способен, в соответствующих случаях, привести к освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого пунктом 4 статьи 5 Конвенции, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, поскольку в отсутствие этого качества средство правовой защиты не будет отвечать требованиям доступности и эффективности, предъявляемым в целях указанной статьи (см., *mutatis mutandis*, «*Стоичков против Болгарии*» (*Stoichkov v. Bulgaria*), жалоба № 9808/02, пункт 66 *in fine*, 24 марта 2005 г., и «*Вачев против Болгарии*» (*Vachev v. Bulgaria*), жалоба № 42987/98, пункт 71, ЕСПЧ 2004-VIII (выдержки)).

121. Формы судебной проверки, отвечающие требованиям пункта 4 статьи 5, могут различаться в разных странах и будут зависеть от рассматриваемого вида лишения свободы. К компетенции Суда не относится установление наиболее приемлемой системы судебной проверки в рассматриваемой сфере. Не исключено, что соблюдение требований пункта 4 статьи 5 может быть обеспечено посредством системы автоматических периодических судебных проверок по вопросу законности заключения под стражу (см. постановление Европейского Суда от 12 мая 1992 года по делу «*Медьери против Германии*» (*Megyeri v. Germany*), пункт 22, Серия А № 237А). Однако, в случае введения процедуры автоматического пересмотра законности заключения под стражу, решения, касающиеся правомерности содержания под стражей, следует выносить с «разумными интервалами времени» (см., среди прочих, «*Херцегфалви против Австрии*» (*Herczegfalvy v. Austria*), от 24 сентября 1992 г., пункты 75 и 77, Серия А № 244, и «*Блэксток против Соединенного Королевства*»

(*Blackstock v. the United Kingdom*), жалоба № 59512/00, пункт 42, 21 июня 2005 г.).

(ii) Судебная проверка содержания под стражей в период с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г.

122. Суд указывает, что с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г. заявитель содержался под стражей на основании двух решений районной прокуратуры, ссылающихся на Статью 61 Минской конвенции и пункт 2 Статьи 466 УПК, соответственно. Власти утверждали, что заявитель имел возможность добиваться эффективной судебной проверки содержания его под стражей на основании распоряжений прокурора, которую он использовал при обращении в Преображенский районный суд г. Москвы. В то же время Власти признали, что заявление, поданное в упомянутый районный суд, осталось нерассмотренным по существу (см. пункт 96 выше).

123. Суд отмечает, что Преображенский районный суд отклонил жалобу заявителя на законность содержания его под стражей 9 декабря 2009 г. по двум довольно противоречивым причинам: подача жалобы в суд, в ведение которого эта жалоба не попадала из-за территориальной подсудности, и отсутствие полномочий на рассмотрение этой жалобы в соответствии со статьей 125 УПК (см. параграф 33 выше).

124. В таких обстоятельствах Суд находит, что, несмотря на Постановление Верховного Суда от 22 октября 2009 г., вопрос законности содержания заявителя под стражей на основании распоряжений прокурора от 4 мая и 9 июня 2009 г. не был рассмотрен ни одним из судов. Учитывая, что Власти не указали других средств проверки законности содержания заявителя под стражей на основании распоряжений районной прокуратуры, Суд находит, что судебная проверка содержания заявителя под стражей с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г. не осуществлялась, что противоречит гарантиям, приведенным в пункте 4 статьи 5 Конвенции.

125. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении периода содержания под стражей с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г.

(iii) Судебная проверка содержания заявителя под стражей в период с 30 апреля по 3 ноября 2010 г.

126. Суд отмечает, что содержание заявителя под стражей, первоначально санкционированное прокурором, было продлено российским судом на шесть месяцев и четыре дня 30 апреля 2010 г. Таким образом, разбирательства, в ходе которых срок содержания заявителя под стражей был продлен, приняли форму периодического пересмотра судебного характера. Стороны не оспаривали тот факт, что суд первой инстанции имел возможность оценить условия, которые, в

соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5, являются существенными для определения «законности» заключения под стражу с целью экстрадиции (см. дело *Ниязова*, упомянутое выше, пункт 150).

127. Дополнительно, в соответствии с российским законодательством у заявителя была возможность обжаловать постановление о заключении под стражу от 30 апреля 2010 г. в вышестоящем суде, который смог бы проверить такое заключение под стражу на различных основаниях. Что касается производства в суде первой инстанции, то нет никаких оснований для сомнений в том, что суд кассационной инстанции смог бы рассмотреть вопрос о законности содержания заявителя под стражей с целью экстрадиции.

128. По мнению Суда, отсюда следует, что заявитель имел возможность инициировать эффективное «рассмотрение» судом вопроса о законности его заключения под стражу с 30 апреля по 3 ноября 2010 г..

129. Что касается доступности периодической проверки законности содержания заявителя под стражей, Суд отмечает, что к 30 апреля 2010 г., дате оспариваемого продления срока содержания под стражей, решение об экстрадиции вступило в силу (см., для сравнения, вышеупомянутое дело *Абдулхакова*, пункт 216). Несмотря на то, что в течение всего периода содержания под стражей, санкционированного 30 апреля 2010 г., Судом не было указано обеспечительных мер в отношении заявителя, он не смог продемонстрировать, что какие-либо новые, имеющие отношение к делу факторы, требующие проверки законности содержания его под стражей, фактически возникли в период между вынесением постановления о продлении срока содержания под стражей и его освобождением 3 ноября 2010 г.

130. Попытка заявителя подать ходатайство об освобождении в Бабушкинский районный суд г. Москвы (см. пункт 37 выше), хоть и безуспешная, сама по себе не могла считаться доказательством невозможности периодической проверки во внутригосударственной системе, так как у заявителя была возможность исправить текст своего заявления в соответствии с указаниями районного суда или обжаловать решение районного суда от 24 мая 2010 г. в вышестоящем суде.

131. В таких обстоятельствах Суд не считает, что продолжительность периода между вынесением решения о продлении срока содержания под стражей 30 апреля 2010 г. и освобождением заявителя 3 ноября 2010 г. являлась необоснованной.

132. Следовательно, не было никаких нарушений пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей с 30 апреля по 3 ноября 2010 года.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

133. Ссылаясь на пункт 2 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловался на то, что в решении Генеральной прокуратуры РФ от 14 июля 2009 г. в утвердительной формулировке было указано, что заявитель совершил преступления, тогда как ни один суд не доказал его вину.

134. Учитывая весь имеющийся материал и настолько, насколько эти жалобы попадают в пределы его компетенции, Суд находит, что замечания заявителя не раскрывают признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная согласно пунктам 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

135. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

136. Заявитель не представил в установленный срок требований о возмещении материального или морального ущерба. Соответственно, Суд не считает нужным присуждать ему какую-либо сумму в данном отношении.

В. Расходы и издержки

137. Заявитель потребовал выплаты 2 600 евро в качестве компенсации судебных издержек и 182 евро в качестве компенсации почтовых расходов, понесенных в Суде. Требования возмещения судебных издержек были подтверждены счетами, выставленными его представителем и двумя консультирующими адвокатами. Требования возмещения почтовых расходов не были подтверждены какими-либо квитанциями.

138. Власти указали, что заявитель не подтвердил свои требования с помощью квитанций и ходатайствовали перед Судом об отклонении требований заявителя.

139. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек,

34 ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ОШЛАКОВ против РОССИИ»

только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности и по необходимости и в разумном количестве. В данном деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму 2 200 евро, покрывающую судебные издержки, плюс налог, который может взиматься с данной суммы.

С. Проценты за просрочку платежа

140. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Объявил* жалобы в рамках статьи 3, пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы - неприемлемой;
2. *5.3* Постановил, что экстрадиция заявителя в Казахстан не привела бы к нарушению статьи 3 Конвенции;
3. *5.1* Постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
4. *5.4* Постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции относительно периода содержания под стражей с 3 мая 2009 г. по 30 апреля 2010 г.;
5. *ф. фон* Постановил, что нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении периода содержания под стражей с 30 апреля по 3 ноября 2010 г. не было;
6. *судебн* Постановил
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, в российских рублях по курсу на день выплаты:
 - (ii) 2 200 евро (две тысячи двести евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

7. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 3 апреля 2013 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель